

САРДЖВЕЛАДЗЕ З. А.

У ИСТОКОВ ГРУЗИНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Строго нормированный характер древнегрузинского языка [1—3] уже неоднократно внушал основания для предположения о существовании в Древней Грузии текста полной грамматики или свода основных норм литературного языка [4, с. 12, 106, 107; 5, с. 3; 6, с. 43; 7, с. 5; 8, с. 5]. Важное значение для истории вопроса имеет, в частности, тот факт, что Антоний I (1720—1788), великий грузинский ученый, в своем фундаментальном труде «Грузинская грамматика» (1753 г.; 1767 г.) указывает на лингвистическую работу философа и писателя XI в. Иоанна Петрици [9, с. 168—169]. М. Броссе [10, с. 8] и А. Шёгрэн [11] считают Иоанна Петрици автором не дошедшей до нас грамматики грузинского языка. По мнению А. П. Поцхишвили, уже в X—XII вв. на грузинском языке существовала грамматика, хотя и неясно, была ли она оригинальной работой или переводной [12, с. 51]. К сожалению, из-за отсутствия фактического материала, т. е. грамматических работ ранней эпохи, в настоящее время трудно судить о состоянии грузинской лингвистической мысли в Древней Грузии. Однако памятники древнегрузинского языка содержат большое количество заметок и приписок лингвистического характера, принадлежащих средневековым авторам, переводчикам или переписчикам. Эти приписки встречаются, как правило, на полях страниц древних рукописей [такие так называемые «схолии» особенно часты в списках, которые содержат памятники, переведенные Ефремом Мцире (XI в.), Иоанном Петрици (XI в.), Арсеном Икалтоели (XI—XII вв.) и др.], а также в самих текстах оригинальных и переведенных памятников. Эти лингвистические замечания, охватывающие разные сферы языка, дают определенное, хотя и неполное, представление о состоянии грузинской лингвистической мысли в V—XII вв. Необходимо отметить, что эти схолии служат чисто практической цели — лучшему пониманию текста. В основном они касаются трудных для грузинского читателя лексических и грамматических форм. В 1873 г. А. Цагарели писал: «Возникновение и развитие грамматических понятий в литературе какого-нибудь народа как признак сознательного, критического отношения к языку, есть, бесспорно, один из важнейших шагов вперед в умственной жизни его. Но понятия эти возникают и развиваются не вдруг, а постепенно и в разных видах: сначала они тесно связаны с экзегетическим и лексическим (этимологическим) разбором и объяснением трудно понимаемых писателей» [4, с. V]. Как известно, памятники духовной литературы переводились на грузинский язык преимущественно с греческого. Переводчики прекрасно видели различия в структурах обоих языков и нередко высказывались по этому вопросу. Очень интересным является и то, что уже в XI в. некоторые грузинские ученые и писатели противопоставляли друг другу литературные и диалектные формы и т. д. Значение этих комментариев для истории грузинской лингвистической мысли подчеркивал И. А. Джавахишвили, который отмечал и то обстоятельство, что эти материалы еще нуждаются в выявлении и изучении [5, с. 4].

Основная часть сделанных нами лингвистических наблюдений оказывается по своему характеру лексикографической. В древнегрузинском языке, как и в других, имеется множество заимствованных лексических единиц. Заимствование слов — обычный и естественный процесс, но нельзя считать нормальным засорение родного языка иноязычными словами. По-видимому, именно на это и указывает Григорий Чахрехаисдзе, пере-

писавший в XIII в. «Великий Номоканон». В своем завещании он пишет: «*mḡavalni usḡoni siḡqwanī arian, ḡarna dedasa eḡre vḡrove*» (Рукоп. № 25 Кутаисского музея, 296 г) «(в этой рукописи) много иноязычных слов, но так было в подлиннике». И действительно, в Великом Номоканоне, переведенном на грузинский язык представителем так называемой эллинофильской литературной школы, большое число иноязычных, в основном, греческих, лексических единиц.

Займствованию слов, помимо других обстоятельств, способствовало и то, что в грузинском литературном языке отсутствовали эквиваленты некоторых лексем греческого, сирийского и других языков. Точность перевода требовала многих усилий и изобретательности от переводчиков, которые стремились дать почти дословный, во всяком случае, очень приближенный к тексту оригинала перевод, не нарушая, однако, основных норм литературного языка.

Ефрем Мцире, выдающийся ученый и писатель, внесший огромный вклад в историю развития грузинской литературы, является и основоположником грузинской научной терминологии. Его справедливо называют ученым-энциклопедистом. Тонкий знаток грузинского и греческого языков, Ефрем Мцире оставил множество интереснейших замечаний о грамматических и лексических особенностях грузинского и греческого языков, о взаимоотношении обоих языков и т. д.

Ефрем Мцире сообщает ценнейшие сведения по истории грузинской лексикологии. Так, например, в списке Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР (А-689, Сборник, XII в.)¹ сохранилось замечание Ефрема Мцире: «*kartulad arca eḡlni arian, mḡonia, romel arca saxeli meeḡlisaj, amistys berzuled daḡere inioxī*» (238 v), «в грузинском языке нет (слова) „колесниц“, думаю, что и нет названия водителя колесницы, поэтому я написал греческое (слово) — иниох» (ср. греч. ὀϊνίχος). Переводчик здесь предельно ясно указывает на причину заимствования слова.

Ефрему Мцире принадлежит перевод так называемого «Второго Эфрема» — Аскетического сборника Ефрема Сирина. В рукописи А-1115 (XII в.) сохранилось пространное замечание переводчика, касающееся греческих слов, имеющих в основном тексте и оставшихся без перевода из-за отсутствия точных грузинских эквивалентов: «*ese qeltsakmarta sa-xelebi zogi berzuldve daḡere, ḡaḡams mḡavaltagan gamovizie da zedami-cenvni vervin mitxra, rametu adgilsa da adgilsa sxwaj qeltsakmari akws, da zogi aḡ arḡara ipoebis. amistys daḡdebase anu ḡvivilit daḡerasa berzuldve daḡeraj virḡie, rametu tyt berzennica amasve hḡopen, romel sxysa kweḡanisa naḡopsa, romeli saberḡnetsa ara dḡas, misve enisa saxelita daḡeren: ḡakarsa saḡarad, qulqas(s)a kulqasad da zapransa zaparad, romelni- ese arabulita enita arian da matsa kweḡanasa ikmnebian* (293 г) «Названия некоторых этих занятий я написал греческими словами после того, как выяснял у многих, и никто не смог мне точно ответить, потому что разные ремесла суть в разных местах (ареалах), а некоторых из них уже нет. Поэтому, опущению или ошибочному написанию (resp. переводу) предпочел я написать греческими словами, ибо так же поступают и греки, когда плоды чужой страны, которых нет в их стране (т. е. в Греции), обозначают словами того же (т. е. чужого) языка, напр., сахар; египетские бобы, шафран. Слова эти арабские, и имеют (соответствующие плоды) в их стране».

Ефрем Мцире считает, что лексическое заимствование оправдано лишь в том случае, если в родном языке нет точного эквивалента иноязычного слова, и для упрочения своей позиции указывает на пример греческого языка.

В древнейших грузинских переводах книг Ветхого и Нового заветов встречаем разъяснения отдельных еврейских, греческих и других слов²:

¹ В работе использованы литеры: А, Н, S, Q, обозначающие фонды Института рукописей АН ГССР, Кут. для обозначения фонда рукописей Кутаисского государственного музея и Ieg, обозначающий фонд грузинских рукописей библиотеки Греческого патриархата в Иерусалиме.

² Этих разъяснений нет в других версиях.

romelman hrkwas zmasa tyssa: raka, romel ars sazagel (Mt. 5, 22) «Кто же скажет брату своему: „рака“, что означает ненавистный»; $\delta\varsigma\ \delta'\ \alpha\nu\ \epsilon\iota\pi\eta\ \tau\omega\ \alpha\delta\epsilon\lambda\phi\omega\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma$, Рака. arvides mravalni ierusalimd soplebisagan ucinares mis pasekisa, romelsa hrkuan vnebaj (И. 11, 55) «Многие из всей страны пришли в Иерусалим перед Пасхой, которое (слово) означает страдание»; $\text{Ἦν δὲ ἔγγυς τὸ πάσχα τῶν Ἰουδαίων, καὶ ἀνέβησαν πολλοὶ εἰς Ἱερουσόλυμα. ucinares dyesasc̣aulisa mis pasekisasi, romel ars vnebaj (И. 13, 1) «Перед праздником Пасхи, которое (слово) означает страдание»: $\text{Πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα. šoris missa, vitarca xilvaj perisa iliktronisaj, romel-igi okroj da vecxli da rvali ertad šednobil arn (Иезек. 1, 4) «А из середины его как бы свет илктрон, что состоит из золота, серебра и меди, сплавленных вместе», ср.: καὶ ἐν τῷ μέσῳ αὐτοῦ ὡς ὄρασις ἤλεκτρου. Издательница грузинского текста Т. К. Цкитишвили специально указывает на то, что предложения romel-igi okroj da vecxli da rvali ertad šednobil arn нет в иноязычных версиях [13, с. 6]. Точно такое же объяснение имеется и в другом случае (Иезек. 1, 27) [13, с. 10].$$

Ошкская рукопись Библии (978 г.) сохранила древнегрузинские названия месяцев *igrikaj* «апрель» и *vardobaj* «май»: *pirvelsa mas dyesa twesa adar da nesesa, romel ars igrikaj da vardobaj* (Есфирь 1, 2) «В первый день месяца Нисана, который и есть *igrikaj* и *vardobaj*»; $\tau\eta\ \mu\acute{\alpha}\ \tau\omicron\upsilon\ \text{N}\iota\varsigma\alpha$.

В синайском многоглаве (864 г.) имеется такая ремарка: *keleliel asurta enisagan berzenta enasa šteranos da berzenta enisagan kartvelta enad gurgun* (с. 69) «Келелиел с сирийского языка на греческий (переводится) как Степанос, а с греческого на грузинский как венец». В Шатбердском сборнике (973—976 гг.) читаем: *romelsa-igi berzenta hrkuan prasinos, romelsa erkumis kartvelta enita mcwanisper* (63 г) «То, что греки называют Прасином, грузинским языком обозначается как *mcwanisper* (зеленого цвета)». В тексте Удабнойского многоглава (X в.) объясняется греческое слово $\chi\rho\nu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$: *ars bunebaj, romel ars aminatonı, ubzoi* (53 v) «Есть природа, аминатон, не сопротивляющаяся».

А. Г. Шанидзе установил, что в древнегрузинском языке слово *gonebaj* «разум» обозначало и «совесть» [14, с. 2]. Это подтверждается и лексикографической пометкой, найденной в тексте Ier.-96 (XI в.): *daamorčilnes qovelni sulsa da mxilebaj igi syndisisaj, romel ars gonebaj mamxilebeli borotaj* (83 г) «Пусть подчинит духу плоть и обличение совести, то есть разум (= совесть) обличитель злых». В другой рукописи XI в. (Ier.-9) указывается: *mosamed akws twaluxwavi igi mxilebaj syndisisaj, romeli-igi tanaganmxilvelad gamoitargmanebis* (45 г) «Свидетелем оно имеет беспристрастное обличение совести, которая переводится *сонаблюдателем*» (ср. греч. $\eta\ \sigma\omicron\nu\nu\epsilon\delta\eta\tau\iota\varsigma$). Подобные лексикографические заметки часты в письменных памятниках XI—XII вв.

Интересны те замечания, которые касаются полисемантизма некоторых греческих лексем. Ефрем Мцире неоднократно подчеркивал, что это обстоятельство может легко ввести в заблуждение не только неискушенного, но и многоопытного переводчика. Он считал необходимым, чтобы слова, имеющие различные значения, на грузинский язык передавались адекватно греческому тексту. Так, например, в связи с греческим словом $\Gamma\upsilon\omicron\lambda\alpha$ Ефрем Мцире пишет: *berzulad mravalni targmani akws, egretve kartulad sxwebr da sxwebr dasdeben da iqmareben čmidani mamani čwenni eptyme da giorgi mtačmideli, vitarca adgilsa šeečqwebodis, rametu ese mravalta sičqwata sčirs berzulad* (A-24, XII в. 13 г) «(Это слово) в греческом языке имеет разные значения, и в грузинском языке святые отцы Евфимий и Георгий Святгорец употребляют его в разных значениях соответственно контексту. Это свойство характерно для многих слов». Такое же мнение высказано Ефремом Мцире в связи с греческим словом $\alpha\iota\omega\nu$ «вечность»: *šeisçave, vitarmed berzenta enita mravalgwarad iqmareben saxelsa saučunojsasa čmidata čerilta šina. amistysca me, vita tyt matita enita arian, egret damičerian sičqwani ese ač čeriltagan šemoyebulni, rajta sçna, vitarmed amat sičqwata šina qovelgan saučunojsa saxeli ars berzulad, romeli*

cmidata mamata da mozywarta kartulisa targmanebisata odesme «sacutrod» utkwams da odesme «soplad» da odesme «žamad», xolo ač sačiro iqo, tyt vita matsa enasa ars, egre čeraj, rajta ara mouzavebel iqos matda targmani mati (48 v) «Слово αἰών в греческом языке в святых книгах имеет множество значений. Поэтому я перевел его так, как это слово употребляется в языке греков. В греческом языке во всех случаях пишется ὁ αἰών, которое святые отцы и мэтры грузинского перевода надлежащим образом переводили то как „непостоянный, переходящий“, то как „мир, край“, то как „время“. Но я поступил иначе: написал так, как это слово употребляется в греческом языке (ныне это необходимо), чтобы перевод непременно был точным».

В грузинском языке слово *suli* употребляется как в значении духа (ср. греч. τὸ πνεῦμα), так и в значении души (ср. греч. ἡ ψυχή). Это создавало определенную трудность в деле интерпретации святых книг. По этому поводу Ефрем Мцире пишет: orsaxe ars bergulad saxeli sulisaj — psiki, romeli umetessa adgilsa samšynvelisa čil dadebul ars pavlesa šina, da kwadlad — pneuma, romeli-ese tyt tavadisa sulisa arsebasa uodian da čmidisatys igive itkumis. Xolo kartvelta uyonoebisagan erti saxeli akws sulisaj, amistys ač masve da ertsa orgzis ičqys (A-217, XII в., 322 r) «Грузинское слово, обозначающее дух, в греческом языке имеет два эквивалента: ψυχή, которое в посланиях Павла преимущественно обозначает душу, сущность самого Духа, и πνεῦμα, которое употребляется в значении Святого (Духа). В грузинском же языке из-за немоги его в обоих случаях имеется одно и то же слово».

Для истории грузинского языка большое значение имеют те наблюдения древнегрузинских писателей, которые касаются исконно грузинских лексем. Очевидно, некоторые слова в XI—XIII вв. грузинскими писателями считались либо архаизмами, либо специфичными для какой-то области деятельности (т. е. принадлежащими к профессиональной лексике), либо диалектизмами и т. д. Естественно, такие слова нуждались в специальных толкованиях.

Богатый материал предоставляет нам Гелатская Библия, которая датируется специалистами XII в. [15, с. 153]. Так, например, здесь даются пояснения относительно слов *koçoli* «коса (волосы)», *vaci* «козел (самец)», *bylaçi* «льняная пряжа» и др.

Особо следует отметить то обстоятельство, что некоторые из этих слов вообще не нашли отражения в словарях древнегрузинского языка или им приписываются другие значения. В Гелатской Библии слово *vaci* толкуется как «годовалый козленок»: vacisa, ege igi ars čelicdeulisa tiqnisa, šecirvaj ameno (Q-1152, 3 r) «vacisa, т. е. «годовалого козленка, жертвоприношение сообщил». Слово *vaci* в словарях Сулхана-Саба Орбелиани и И. В. Абуладзе (как и в других лексикографических работах) поясняется как «козел (самец)», значение же годовалого козленка не учитывается.

В грузинском языке слово *simamr-i* обозначает тестя. Это значение зафиксировано во всех словарях грузинского языка. Лишь в Гелатской Библии недвусмысленно указывается и на другое значение этого слова: simamrad saxel-sdva mas, vitarca zmasa meuplisasa, vitar-igi mğavalni ačsa uodeben esevitarta saxeldebita amit (Q-1152, 353 r) «Его называет тестем, как шурина (брата жены), как многие ныне называют этим именем таковых (родственников)».

Таким образом выясняется, что в XII в. слово *simamr-i* имело и значение «шурина (брат жены)». Этого и можно было ожидать. В картлийском диалекте (самом близком к литературному языку на протяжении всей истории грузинского языка) термин родства *sidedri-i* «теща» имеет и значение свояченицы (сестры жены). Можно сделать вывод, что грузинские родственные термины *simamri* и *sidedri* раньше имели более широкую семантику, как это предполагает Э. Г. Соселия в ее недавно опубликованной интересной работе [16, с. 101—108]. Данные Гелатской Библии и картлийского диалекта подтверждают правильность этого предположения.

Слово *bylaç-i* совершенно незнакомо грузинским словарям. В Гелатской Библии сказано: *da selisa ksoilsa samoselsa bylaçad saxel-sdebs* «а льняную пряжу называет *bylaç*». Это слово по своему характеру относится к специфической области лексики.

К периферийной (профессиональной) лексике относятся также слова *bre* «пленка злаков» и *čelxi* «крупный остаток после обмолаа хлеба», которые специально объяснены Ефремом Мцире: *bre uçodian umskylessa mas culilisa bzisasa da uculilessa čelxisasa, romeli ver çariyebvis karita, aramed zedamoeqadebis cxrilita* (Ier.-9, XI в., 160 г) «*bre* есть крупнее половы (мякины) и поменьше *čelxi*, которое не уносится ветром, а снимается решетом». Интересен и тот факт, что оба слова сохранились в основном с изменением значения лишь в некоторых грузинских диалектах.

Некоторые примечания позволяют ясно понять, что в XI—XII вв. часть древнегрузинской лексики рассматривалась как архаическая и нуждалась в специальном пояснении. Так, например, Ефрем Мцире пишет: *mğobl eçodebis orçessa, xolo mğis anazdaitsa* [17, с. 97] «*mğobl* обозначает „двойной“, а *mğis* „внезапный“». Эта помета интересна и тем, что она не только указывает на архаизмы, но и на неологизмы.

Переводчик Гелатской Библии счел нужным обратить внимание читателей на то, что слово *ganvbiçen* «я очистил» является неологизмом (Q-1152, 280 г). Ефрем Мцире подчеркивает, что слово *mdidaraj* «богатая» (искусственная форма с наращением суффикса женского рода -а на основу слова *mdidar-*) создано им, а *čičnaur-i* принадлежит Евфимию Святогорцу (XI в.): *šeiscave mdidaraj axalmpovnebulad dedlad siçqwad, rametu dedaқaci ars, momyeбели čičnaurisaj, xolo čičnauri mamasa eptymes abrešumis saxelad moupovebia* (A-1115, XII в., 153 v) «Знай, *mdidaraj* является новообразованным словом женского рода, которое означает женщину, посвящую шелк, а слово *čičnauri* отец Евфимий нашел (изобрел) в качестве названия шелка».

Особый интерес вызывает постановка древними учеными вопроса о литературных и диалектных формах. Этому способствовало и то, что в XI—XII вв. в литературный язык вторгся сильный поток живой речи, что вызвало переоценку некоторых литературных норм. То, что раньше считалось нарушением нормы, отражением нелитературной, живой (или диалектной) речи, уже стало нормой. Проникновению форм разговорной речи противились те писатели и ученые, для которых нормы уже отжившего литературного языка оставались святыми. В этой борьбе старого и нового постепенно побеждало новое, литературный язык неуклонно сближался с народным. В победе новых норм решающую роль сыграло то, что лучшие писатели средневековья Евфимий и Георгий Святогорцы, Ефрем Мцире и другие хорошо осознавали необходимость обновления норм грузинского литературного языка и своими произведениями способствовали этому необратимому и, главное, необходимому процессу. Демократизацию литературного языка завершили представители светской литературы, в первую очередь, гениальный поэт Шота Руставели.

Период, охватывающий XI—XII вв., в истории грузинского языка принято считать эпохой отмирания древних норм и зарождения среднегрузинского литературного языка. Естественно, что писатели и ученые именно этой эпохи особенно остро ощущали процесс смешения старых (т. е. литературных) и новых (т. е. диалектных) форм и довольно часто и достаточно резко высказывались по этому вопросу.

Ефрем Мцире считал, что литературный (по его терминологии, *çignuri* «книжный») является прекрасным, совершенным, глубоким. Литературному языку противопоставляется диалектная речь (по терминологии Ефрема: *sopluri* «деревенская») как грубая, простая. Несмотря на то, что эти соображения Ефрема Мцире неверны (мы полагаем, что высказывания Ефрема Мцире отражают мировоззрение и многих его современников), они интересны для истории грузинской научной мысли. Конечно, нельзя упускать из виду огромное влияние на становление и развитие грузинской филологической науки византийской научной мысли.

Конкретные замечания Ефрема Мцире и других писателей, касающиеся отдельных диалектных форм, можно считать едва ли не единственными источниками для изучения грузинской исторической диалектологии.

В рукописи Ier.-15 (XI в.) сохранилась схолия Ефрема Мцире: *qurtita semaj ars; mžiṛi mimokceṽita tittayta zlierad tkivneṽisa ŧemzlebeli, gomelsa soplioni kurž uṽodian* (21 r) *qurtita semaj* «(Бить кулаком) — есть кулак, движением пальцев способный причинить сильную боль, деревенские называют его *kurž*». Ефрем Мцире считает, что *kurži* «кулак» диалектное слово, оно противопоставляется литературному *qurti*, которое является архаизмом, ибо уже нуждается в объяснении через *mžiṛi* (id.). Из этого примечания мы узнаем статус синонимов: *qurti//mžiṛi//kurži*.

В древнегрузинском языке слово *medgari*, как правило, обозначает лентяя, ленивого. Ефрем Мцире указывает, что в диалектной речи это слово означало и лицемера, коварного: *saxelsa amas medgarsa ori saxe akws: ṽignurad mṽonaresa uṽmobs medgarsa, xolo soplurad mzaṽwarsa hkyan medgari tyt kartulsa enasa zeda* (A-689, XII в. 43 r) «Слово это *medgari* имеет два значения: по-книжному *medgari* обозначает ленивого, а по-деревенскому лицемера». Интересен и тот факт, что в этой же рукописи читаем: *romeltame adgilsa medgar mzaṽwarad gulisqma-iṽoreṽis, uproisya liṽonsa saubarsa ŧina* (73 r) «В некоторых местах (Евангелия), преимущественно в простой речи, слово *medgari* можно понимать как „лицемер“».

К сожалению, нам почти ничего не известно о происхождении многих древнегрузинских писателей и переписчиков. Это является одной из причин того, что трудно, а точнее, невозможно с уверенностью установить источник того или иного диалектизма. В этих условиях ценнейшими оказываются всякие прямые или косвенные сведения, указывающие на происхождение диалектных форм. В завещании рукописи H-1345 (XI—XII вв.), содержащей перевод «Жития Андрея Юродивого», сказано: *ṽmertman uṽṽis, ṽajsa ṽemisa umecreṽisagan egeṽoda, ṽargad kmnasa da simartlesa dia moviṽirve, magra dedaj odišs daṽerili iṽo da siṽwasa ṽṽaleṽda* (201 r — 201 v.) «Да знает Бог, что я очень постарался (насколько позволило мое невежество) сделать хорошо и правдиво, но подлинник был написан в Западной Грузии и заменял слова». Конечно, выражение переписчика «заменять слова» свидетельствует о том, что список, который служил подлинником этого текста, содержал лексические и грамматические формы, характерные для речи Западной Грузии. Имеется здесь и прямое указание на имеретинскую форму (139 v). Переписчик — представитель Восточной Грузии. Это подтверждается и наличием в переписанном им тексте специфических диалектизмов (подробно об этом см. [18, с. 28]). Следует отметить и то, что в этой рукописи впервые в истории грузинского литературного языка засвидетельствовано множество интересных диалектных форм.

В X—XIII вв. ведущее место среди деятелей грузинской культуры занимали представители Южной Грузии (Месхети и Джавахети). Достаточно назвать имена лишь некоторых из них: Василий Зарзмели, Евфимий и Георгий Святогорцы, Георгий Мцире, Шота Руставели.

В результате определенных исторических причин, в частности, вторжения арабов в VII в. и оккупации большей части Восточной Грузии, политический и культурный центр страны на долгое время переместился в южную Грузию. Естественно, что речь именно этого региона оказалась преобладающей влияние на литературный язык VIII—XII вв. Это вызвало известную реакцию представителей иных областей. Так, например, Василий Сайтури, переписчик Ier.-33 (Сборник, XIII—XIV вв.), в завещании пишет: *vgoneṽ, romel martlad damiṽeri ars, garna eseca uṽṽeṽbul iṽṽavn, romel dedasa ŧina munkwesve diad eṽera da misad nacvalad meṽseulad damiṽeria da amarzaṽisa nacvalad mṽis da amistys mesxtaca ŧemindeṽit, enasa kartveltasa ese uṽete moegwareṽis* (324 r — 324 v) «Думается (мне), что я правильно переписал, но пусть знают все, что в подлиннике очень часто имелось слово *munkwesve* («немедленно», «сразу»), и я вместо этого слова написал *meṽseulad* (id.), и слово *amarzaṽ* (id.) заменил я словом

mqis (id.). За это я прошу месхов простить меня, грузинскому языку это (то есть, как я написал) лучше подходит».

Очевидно, что Василий Сайтури слова *munkwesve* и *amarzak* считал диалектными, в частности, единицами месхской речи, и он заменил их «сугубо грузинскими» формами. За это он извиняется перед месхами. Здесь уместно упомянуть и о том, что в руствелологии спорным считается вопрос о локализации Рустави, колыбели гениального автора поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Однако Ш. В. Дзидзигури убедительно показал, что языковые особенности поэмы находят интересные параллели именно в месхском диалекте. Наряду с другими сведениями литературного и исторического характера это обстоятельство можно считать наилучшим доказательством того, что поэт происходил именно из месхетского Рустави [19, с. 16—30]. Показательным в этой связи является и упрек Шоте Руставели Теймураза I, который мы встречаем в поэме Арчила (1647—1713) «Беседа Теймураза и Руставели»: *šemoiye žavaхuri eпа mziმე* «Ввел ты (в литературу) тяжелый язык джавахов» (джавахский диалект находится в ближайшем родстве с месхским).

Арсений Икалтоели, по-видимому, уроженец Кахетии [20, с. 41], перевел Догматику. В одном списке последнего произведения (А-205, XIII в.) имеется ремарка: *kaхuri leksi kṛeṣaj* «кахетинское слово *kṛeṣaj* (скалить зубы)». Это замечание ценно и тем, что оно впервые указывает на форму одного из самых крупных диалектов грузинского языка.

Очень интересны случаи стилистической квалификации лексических и грамматических форм. В связи с употреблением формы 1-го лица множественного числа глагола вместо формы единственного числа переводчик делает следующее примечание: *ara iṭqys mṛsṛena, aramed gwtṛsṛena* (Ier.-32, Сборник, XII в.) «Не говорит: верю, а верим».

В древнегрузинском языке *msurs* «хочу, желаю» и *mnebavs* являются синонимами. По мнению некоторых древних писателей, между этими почти абсолютными синонимами существует различие стилистического порядка: *ara iṭqys: mnebavs, aramed, romeli — igi usaqwarles ars amissa da mšoblebri, vitarmed: gwsuris* (Ier.-6, «Толкование посланий Павла», XI в.) «Не говорит: *mnebavs*, а *gwsuris*, которое лучше выражает любовь и родительское тепло».

В рукописи А-52 (Толкование Феофилакта Болгарского на Евангелие от Иоанна, XI—XII вв.) имеется фраза: *сна, agrzna ukwe iesu* (121 v) «Узнал, понял уже Иисус». На полях страницы редактор сделал следующую пометку: *сна agrznajsა pasvalia. šen, romelica gindes, igica dascere, otive ar unda*. «Сна является замещающим *agrzna*. Ты напиши то, которое тебе будет угодно. Оба не нужны».

Следует особо выделить часть схолий грузинских переводчиков, касающихся грамматических наблюдений. Переводчики заостряли внимание читателей на явлениях, свойственных греческому языку, но чуждых грузинскому.

Например, в грузинском языке нет грамматической категории рода. Некоторые писатели XI—XII вв. пытались под влиянием греческого искусственно создать формы женского рода и, таким образом, противопоставить формы мужского и женского родов. Особую усердность в этом направлении проявлял Иоанн Петрици. В одном из комментариев к переводу «Метафраса» Иоанна Ксифилина (Кут.-3, XVI в) Петрици указывает: *bergulni siṭqwanī qovelni anu dedalni arian, anu mamalni, anu aragomelni, saxelta mcodebelni da akaca dedata enkratiṣta dedlita siṭqyta saxelsdebs: monazonatao, xolo mamata — monazonta* (259 r) «Все греческие слова суть мужского, женского или среднего рода. Монахиня называет словом *monazona*, а монахов словом *monazon*». Иоанн Петрици, указывая на существование категории рода в греческом, создал грузинскую форму *monazona* «монахиня». Эта попытка, однако, успехом не увенчалась.

Категория артикля характерна для многих языков, в том числе и для греческого, но чужда грузинскому. Обилие переводных памятников способствовало тому, что грузинские местоимения *ese* «этот» (в отношении

к 1-му лицу)», *ege* «этот (в отношении ко 2-му лицу)», *igi* «тот» часто употреблялись в тех случаях, где в греческом обычно имеется артикль. Конечно, это являлось результатом влияния греческого языка (следует указать и на то, что имелось существенное функциональное различие между грузинским «артиклем» и греческим [21, с. 131—137]). Особый интерес вызывает и то обстоятельство, что сохранилась обширная схолия анонимного автора XI—XII вв., в которой отрицается существование в грузинском языке артикля (Обстоятельное исследование по этому вопросу подготовила М. А. Шанидзе. Работа находится в печати.)

Обращалось внимание и на то, что в греческом языке топонимы нередко употребляются в форме множественного числа. Ефрем Мцире, подчеркивая это обстоятельство (А-109. Сборник, 23 г), тем самым дает знать, что данное явление не характерно для грузинского языка.

В тексте греческой Библии очень часто употребляется союз *καί*. Историки греческого языка объясняют это явление влиянием семитских языков [22, с. 363]. Такую же картину наблюдаем в текстах грузинских версий Ветхого и Нового Заветов. Однако в этом случае на грузинский язык воздействовал преимущественно греческий. Чрезмерно частое употребление союза *da* «и» было искусственным, что прекрасно осознавалось древнегрузинскими писателями. В частности, об этом писал Георгий Святгорец, который указывал, что он хорошо понимает природу союза *da* «и», однако в то же время предупреждает переписчиков ничего не менять в этом отношении (см. завещание рукописи Псалтыри, XII—XIII вв. [23, с. 027]). Хорошо известно, что всякое изменение библейских текстов (да и не только библейских) считалось недопустимым. В этом духе высказывается и Ефрем Мцире (Ier.-43, Сборник, XII—XIII вв., 3 v).

Известно, что в древнегреческом союз *καί* употреблялся и в гипотаксических конструкциях, связывая главное и подчиненное предложения. На последнюю особенность греческого союза и его грузинского эквивалента имеется прямое указание в рукописи Ier.-22 (Толкование Евангелия от Марка и Луки, XII—XIII вв.): *rametu čweulebaj ars čeriltaj, rajta don-ansa iqmarebdes nacvalad rametujsa, vitar-igi iṭqodis raj: «da amao ars sxorebaj kacisaj» nacvalad amissa: «rametu amao ars sxorebaj kacisaj»; da kwalad: «šen ganhrisxen da čwen vcodet» nacvalad amissa: «rametu čwen vcodet»* «Особенностью Писания является то, что *da* („и“) употребляется вместо *rametu* („потому, так как, ибо“). Так, например, говорится „и тщетна жизнь человеческая“, вместо „ибо тщетна жизнь человеческая“; или: „ты разгневался, и мы согрешили“, вместо: „ты разгневался, ибо мы согрешили“. Аналогичное суждение встречаем и в рукописи А-52 (Толкование Евангелия, XII в., 67 v).

В XI—XII вв. многое было сделано в области дальнейшей нормализации литературного языка. Ефремом Мцире была проведена коренная реформа грузинской пунктуации [24, с. 33; ср. 25, с. 114—145]. Крупным вкладом явилось создание им же лексикографического труда — словаря неясных слов Толкования Псалтыри. Эта интересная работа издана М. А. Шанидзе [17]. Ее значение в развитии грузинской грамматической мысли уже неоднократно подчеркивалось исследователями [17, с. 117—122; 26, с. 217—218].

В последнее время у нас усилился интерес к истории отечественной лингвистической мысли. Об этом свидетельствует появление в свет коллективной монографии «История лингвистических учений» (Л., т. I, 1980; т. II, 1981). Богатый и ценнейший в этом отношении материал проанализирован в книгах Л. С. Ковтун [27—29]. Работ о раннем периоде истории грузинской лингвистической мысли, к сожалению, пока почти нет. Цель настоящей статьи скромна — показать лишь некоторые моменты филологической деятельности древнегрузинских писателей и ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марр Н. Я. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925.
2. Шанидзе А. Г. Грамматика древнегрузинского языка. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
3. Имамшвили И. В. Историческая хрестоматия грузинского языка. т. I. Ч. II. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).

4. Цагарели А. О грамматической литературе грузинского языка. СПб., 1873.
5. Джавагишвили И. А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).
6. Кауцхишвили С. Г. Взгляды Ефрема Мцире по вопросам грамматики: Тезисы докладов сессии Отд. общ. наук АН ГССР, Тбилиси, 1945.
7. Чиччаладзе М. И. Преподавание грузинского наречия в школе. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
8. Сарджеладзе З. А. Вопросы истории грузинского литературного языка. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
9. Антоний I. Грузинская грамматика. Тбилиси, 1885 (на груз. яз.).
10. Brosset M. L'Art liberal. Paris, 1834.
11. Schjegren A. Liter. Anz. St. Peter. Zeitung, 1838, № 27.
12. Поцлишвили А. П. Из истории грузинской грамматической мысли. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
13. Цкитишвили Т. К. Древнегрузинские версии кн. Иезекииля. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
14. Шанидзе А. Г. Немного из истории грузинского языка.— Литература да хеловнеба, 1949, 12 июня (на груз. яз.).
15. Гигинейшвили Б. К., Киквидзе Ц. В. Перевод Библии эпохи Руставели.— В кн.: Шота Руставели (Историко-филологические разыскания). Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
16. Соселия Э. Г. Анализ системы терминов родства (по материалам картвельских языков). Тбилиси, 1979.
17. Ефрем Мцире. Толкование псалтыря. Изд. Шанидзе М. А.— В кн.: Тр. каф. древнегрузинского языка ТГУ. 11. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
18. Сарджеладзе З. А. Значение древнегрузинских письменных памятников для исторической диалектологии грузинского языка. Мравалтави, VIII. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
19. Дзидзигури Ш. В. Наследие языка грузинских классиков. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
20. Лолашвили И. А. Арсен Икалтоели (Жизнь и деятельность). Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
21. Мартиросов А. Г. О категории определенности и неопределенности имени в древнегрузинском.— В кн.: Арнольду Степановичу Чикобава (Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения). Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
22. Blass F./Debrunner A. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1976.
23. Псалтырь. Изд. Шанидзе М. А. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
24. Каджая Л. Р. Разделительные знаки в древнегрузинских рукописях (VII—X вв.).— В кн.: Палеографические разыскания. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
25. Джавагишвили И. А. Грузинская палеография. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
26. Глонти А. А. Основы грузинской лексикографии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
27. Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.— Л., 1963.
28. Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII вв. Л., 1975.
29. Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикографии. Л., 1977.